

В. Л. Хейфец¹
V. Jeifets

Закат антиимпериалистического движения Мексики после левого поворота КПМ²

The decline of Mexican Anti-imperialist Movement after the Left-Wing Turn of the CP of Mexico

Аннотация: В статье анализируется трансформация антиимпериалистического движения Мексики (той его части, что была организована в рядах Антиимпериалистической лиги) после левого поворота, осуществленного Коммунистической партией Мексики под давлением Коминтерна в 1928-1929 гг. Автор показывает, как обладавшая авторитетом и влиянием лига, располагавшая связями не только в рамках левого движения, но и среди революционных националистов, оказалась на протяжении 1930-х гг. маргинальной силой. Ее возрождение в эпоху президентства Ласаро Карденаса оказалось уже не результатом работы коммунистов, а их согласием на роль младшего партнера в рамках проправительственного фронта.

¹ Виктор Лазаревич Хейфец – доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Victor Jeifets – Doctor of Science, professor of the RAS, Professor at the Saint-Petersburg State University Mail: jeifets@gmail.com

² Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №19-18-00305 («Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»).

Ключевые слова: антиимпериализм; Антиимпериалистическая лига; Коминтерн; Коммунистическая партия Мексики; Мексика; левый поворот.

Abstract: The article deals with the analysis of transformation of Mexican antiimperialist movement (organized within the Antiimperialist League) after the left-wing turn taken by the Communist Party of Mexico under the pressure of the Comintern in 1928-1929. The author showed the decline of the Mexican Antiimperialist League (which used to be before those events relatively influential in some parts of Latin America) and its transformation into the marginal group in the 1930s. The League's renaissance during Lazaro Cardenas' presidency was not a result of Communist efforts, but was, rather determined by the Communist' decision to play a role of minor partner within the pro-governmental front.

Keywords: antiimperialism; Antiimperialist League; Comintern; the Communist Party of Mexico; Mexico; left-wing turn

DOI: 10.32608/2305-8773-2020-26-1-132-162

Внутриполитический кризис в Мексике 1928-1929 гг.

Внутриполитическая ситуация 1928-1929 гг. в Мексике характеризовалась широкомасштабным кризисом, спровоцированным предвыборной президентской кампанией 1928 года. Выдвижение Альваро Обрегона на пост главы государства стало нарушением революционного принципа отказа от переизбрания, расколов правящую элиту. В этой ситуации Коммунистическая партия Мексики не без колебаний, однако, поддержала вместе со своими союзниками-крестьянами и большинством антиимпериалистически настроенных интеллектуалов именно Обрегона, увидев в его триумфальной победе возможность решительного поступательного движения революции вперед. Победивший кандидат, однако, был в июле 1928 г. застрелен оппозиционером-католиком.³

Смерть каудильо привела к еще более острой поляризации мексиканской политической элиты. В этих условиях еще больше усилилось влияние Плутарко Элиаса Кальеса, который, да-

³ Dulles J.W.F., 1977, pp. 355-356.

же покинув президентский пост, фактически продолжал руководить страной в роли «хефе максимо». Средством для объединения большинства политических течений стало создание осенью 1928 – весной 1929 г. государственной Национальной Революционной партии,⁴ фактически монополизировавшей право на легитимную политическую деятельность в стране. Именно Кальес стоял за назначением временным президентом обрегониста Эмилио Портеса Хиль осенью 1928 г., против которого немедленно вспыхнул консервативный мятеж в марте 1929 г., главными лозунгами которого стали восстановление принципа непереизбрания и отмена законов, регулировавших отправление религиозного культа.

Портес Хиль был далек от исполнения роли марионетки и обладал собственной программой: разрыв союза государства с реформистским профцентром КРОМ и установление связей с широким спектром рабочих организаций⁵; разработка нового закона о труде; придание импульса аграрной реформе. Эта позиция создавала условия для продолжения сотрудничества между левыми и пост-революционной элитой. Однако ситуация усложнялась откровенным намерением Кальеса минимизировать влияние левых, все возраставшим желанием штаб-квартиры Коминтерна серьезно скорректировать политику своей мексиканской секции в духе новых установок III Интернационала.

Рождение тактики «класс против класса»

На VI Всемирном конгрессе Коминтерна (1928 г.), попытавшемся разобраться в специфических проблемах революционного движения континента, тон дискуссии задал бывший полпред СССР в Мексике С.С.Пестковский, выступив против предложенной руководителем Латинского секретариата Жюлем Эмбер-Дро идеи «латиноамериканизма»: «Чрезвычайно важно сохранить единство действия и постоянный контакт с коммуни-

⁴ Medin T., 1985.

⁵ El Universal, 8.XII.1928.

стическим движением в Соединенных Штатах... пропаганда этого латиноамериканизма внесет безусловно сумятицу в головы коммунистов. Ведь сам Эмбер-Дро говорил, что наши компартии весьма слабы во многих странах, идеологически они весьма слабы». Несогласие с главным идеологом латиноамериканской политики Коминтерна Пестковский выразил и по вопросу о характере мексиканской революции, подчеркнув, что нельзя говорить о «решительном повороте»: «Вообще вся мексиканская революция состояла до сих пор из отливов и приливов, и настоящий отлив является также только одним из этих отливов, а не является каким-нибудь решительным поворотом».⁶ На сторону Пестковского встал мексиканский делегат Контрерас (Витторио Видали), заявивший, что латиноамериканизм является «идеологией чисто мелкобуржуазного антиимпериалистического движения, которое борется против коммунистического движения и утверждает, что марксизм и ленинизм не имеют почвы в Латинской Америке», а Антиимпериалистическая Лига является «агентом Москвы».⁷

В защиту Эмбер-Дро выступил руководитель североамериканской секции Всеамериканской Антиимпериалистической лиги (ВААИЛ) Ч.Филлипс, заявивший: «Гов. Бандерас [Пестковский] не встретит у латино-американской мелкой буржуазии жажды бороться за союз латино-американских стран: точно также среди революционных элементов Латинской Америки он не встретит противников союза с классово-сознательными пролетариями САСШ».⁸

Впрочем, эта дискуссия была лишь общим вопросом. Гораздо существеннее оказывались установки о политической линии в данный момент. Конгресс фактически принял тактику «класс против класса», предопределив резкий поворот в эволюции левого движения Мексики. Формально эта тактика была провозглашена на IX пленуме ИККИ (февраль 1928 г.), но именно

⁶ Стенографический отчет, 1929. С. 139, 140.

⁷ Стенографический отчет, 1929. С. 307.

⁸ Стенографический отчет, 1929. С. 173.

дискуссии на VI конгрессе продемонстрировали начало официального поворота в политике Интернационала.⁹

Сам по себе лозунг «класс против класса» не означал полной перемены политики. III Интернационал рассматривал данную идею как электоральную стратегию, посредством которой компартии должны участвовать в выборах, не вступая в союзы с социал-демократами. Более существенным оказывалось то, что тактика «единого фронта снизу» предполагала установление контроля коммунистов за первичными организациями профсоюзов и привлечение новых членов-рабочих посредством разрушения реформистских профсоюзов, расцениваемых как союзника буржуазного государства.

Другой линией, навязанной Коминтерном компартиям, стала борьба против социал-фашизма. Руководство Интернационала, расценивая социал-демократию и фашизм как две опоры капиталистического режима, провозглашало контрреволюционность обоих течений и требовало противостоять одновременно и империализму, и буржуазии посредством развития рабоче-крестьянских блоков в классовой войне в мировом масштабе. Подобный подход не мог не означать отказа от национальной специфики левого движения Мексики, развивавшегося прежде в рамках относительно широкой коалиции политических сил.

Делегация КПМ не хотела безоговорочно согласиться с тезисами высшего руководства всемирной компартии. Соглашаясь с идеей о революционной ситуации в Латинской Америке, она видела в своей стране дополнительные обстоятельства – фигуру Обрегона, менявшую расклад сил. Мексиканскую делегацию поддержал и Филлипс, представлявший мексиканскую революцию как цепь внутренних конфликтов, приведших к некоторым реформам и «красивой» конституции, но одновременно укрепивших буржуазию. Противостояние реакционной диктатуре создавало почву для объединения буржуазии и рабочих, не способных вести независимую борьбу за власть до организации в общенациональном масштабе. Для недопущения свержения реформистского мелкобуржуазного правительства реакци-

⁹ Ватлин А.Ю., 1993. С. 111.

ей Филлипс считал необходимым для коммунистов Мексики поддержать власти, одновременно способствуя разрушению кромистских профсоюзов и их перетягиванию на сторону КПМ.¹⁰ Отметим, что не только в КПМ, но и в ряде других компартий Латинской Америки изменение тактики Коминтерна вызвало внутрипартийные дискуссии о национальном характере революции¹¹.

На VI конгрессе И.В.Сталину удалось реализовать вынашиваемую им идею о необходимости «сосредоточить все удары на соглашательской национальной буржуазии и выставить лозунг гегемонии пролетариата как основного условия освобождения от империализма».¹² Этот подход нашел отражение в тезисах конгресса «Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах»: «Национальная буржуазия не имеет значения силы, борющейся против империализма».¹³ Был сделан очередной шаг к унификации коммунистического движения и его приспособления к советскому шаблону. Поскольку эта унификация не основывалась на анализе опыта конкретных латиноамериканских стран, либо ввиду крайней поверхностности данного анализа, подобный подход не мог не обернуться превращением местных компартий в простой придаток III Интернационала и их оторванностью от реалий собственных стран.

Сталинизация всемирной компартии осенью 1928 г. и ее постепенная чистка от «правых» и «примиренцев», существенно меняла модель взаимоотношений между Москвой и левым движением различных стран. Международное объединение компартий превращалось из союза хотя бы относительно самостоятельных секций Коминтерна в обычный механизм для реализации любых решений И.В. Сталина и его ближайшего окружения, не дискутирующий всерьез по важнейшим проблемам

¹⁰ Sexto Congreso, 1977. pp. 132, 299-309, 382-383.

¹¹ Андреев А. С., 2015. С. 44-49.

¹² Фирсов Ф.И., 1991. С. 140.

¹³ Коммунистический Интернационал в документах, 1933. С.850.

коммунистического движения и практически не увязывающий стратегию и тактику левых с национальной спецификой.

Аппарат III Интернационала стимулировал леворадикальные и левацкие настроения среди латиноамериканских коммунистов, настаивая на разрыве связей с «недостаточно идейно выдержанными» союзниками. Так, в открытом письме «О правой опасности» Латиноамериканского секретариата ИККИ компартиям Латинской Америки, опубликованном 20 сентября 1929 г. в журнале «La Correspondencia Sudamericana», утверждалось: «мелкобуржуазная терпимость должна искореняться со всей энергией». ¹⁴ «На кону» очутились различные способы развития компартии – как радикально настроенного сектора левого движения, но все же гетерогенной структуры, и как партии, безусловно подчиняющейся высшему руководству III Интернационала. Эта борьба на десятилетия определив политическое лицо латиноамериканских левых.

Выдвижение радикальных лозунгов без наличия революционной ситуации не могло объективно оказаться ничем иным как провоцированием к началу гражданской войны в собственных странах, причем в условиях, невыгодных для левых. Помимо раскола рабочего и крестьянского движения подобная позиция помогала проправительственной прессе формировать в сознании общественности образы неконструктивной, воинственной и антигосударственной левой оппозиции, само существование которой ставило под угрозу основы порядка и национального суверенитета. Это неизбежно вело к закрытию перспектив работы Коминтерна в латиноамериканском регионе на протяжении ряда лет.

Летом 1929 гг. на Первой конференции компартий полушария была конкретизирована для Латинской Америки выработанная на VI конгрессе Интернационала политическая тактика. ¹⁵ Вся Латинская Америка без изъятий была отождествлена с колониальным миром, а перед компартиями поставили задачу добиться перерастания буржуазно-демократических революций

¹⁴ Калмыков Н.П., 2002. С.393.

¹⁵ Martínez Verdugo A., 1986. P. 93.

в социалистические. Представители Коминтерна – Викторио Кодовилья, руководитель КИМа Орестес Гиольди («Э.Гитор»), и Жюль Эмбер-Дро («Луис») – настойчиво внушали латиноамериканским партиям озабоченность «правой опасностью», что вынуждало коммунистов в каждой конкретной стране выявлять своих «правых» и «фашистов». КПМ, в частности, напрямую подталкивали к необходимости квалифицировать как «фашистское» правительство Э.Портеса Хилья.

При этом мексиканские делегаты в Буэнос-Айресе так и не получили официальных инструкций и действовали фактически на свой страх и риск. Давид Альфаро Сикейрос откровенно заявил на заседании 5 июня о том, что его выступления о необходимости немедленной революции преимущественно основаны на «его личной позиции, а не на мнении партии». Речь шла прежде всего о поддержке «терроризма», отвергнутой рядом делегатов, и которую делегат КПМ оправдывал, полагая, что «в целом ... индивидуальное покушение ничего не решает, но принимая во внимания отдельные случаи, возможно, что эта тактика принесет нам пользу».¹⁶

Начало «левого поворота» в Мексике

Декларации Сикейроса серьезно противоречили прежней практике реальной работы КПМ по расширению практики альянсов, в том числе с антиимпериалистически настроенными интеллектуалами и крестьянскими лигами. Само по себе создание Рабочее-Крестьянского блока, рассматривавшегося первоначально как независимая электоральная коалиция с собственными кандидатами, было начато в Мексике задолго до буэнос-айресской конференции. Коммунисты в союзе с близкими им массовыми организациями (Национальная крестьянская лига была главной из них) впервые выставляли собственную фигуру на президентских выборах. Первые месяцы деятельности блока действительно демонстрировали немалый энтузиазм крестьян-

¹⁶ El movimiento revolucionario latinoamericano, 1929. PP. 56, 181. РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 99, л.16.

ского населения. Блок оказался фактически первым прямым участием левого движения в соревновании альтернатив развития пост-революционной Мексики, что стало «венцом развития» КПМ за 10 лет и результатом ее политики альянсов. Но РКБ лишь номинально руководился партией, не имевшей рычагов воздействия на его местные организации, обладавшие дружескими отношения с губернатором Веракруса Адальберто Техедой (представлявшим левое крыло революционных националистов).

Тогда же, стремясь использовать ослабление КРОМ, КПМ пошла в январе 1929 г. на создание нового профцентра – Унитарной Профсоюзной конфедерации Мексики, во главе которой встал Сикейрос. В состав УПКМ вошли немало рабочих и крестьянских объединений штатов, а также Национальная крестьянская лига. На ассамблее 26-30 января 1929 г. присутствовали 397 делегатов, представлявшие 116 тысяч рабочих и 300 тысяч крестьян, объединенных в 315 профсоюзов и 80 аграрных профсоюзов.¹⁷ Параллельно коммунисты инициировали создание в декабре 1928 г. Комитета Пролетарской защиты для объединения рабочих течений и центров, и групп, не входящих в крупные профцентры. В полном соответствии с политикой альянсов, проводившейся партией, КПЗ был сформирован на базе как рабочих, так и крестьянских организаций. И КПЗ, и УПКМ, и действовавшая с 1925 г. Антиимпериалистическая лига Мексики обладали во многом схожим составом участников. При сохранении общего ядра всех трех организаций, коммунисты, стоявшие за ними, получали возможность вовлекать в орбиту левого движения страны новых активистов, считавших, что работают не с компартией, а с группами и организациями единого революционного и антиимпериалистического фронта.

Во многом перемена позиций мексиканских коммунистов была вызвана политическими изменениями внутри Мексики – последовавшим за убийством Обрегона обострением отноше-

¹⁷ El Trabajador Latinoamericano (Montevideo). 1929. 31 de marzo; Campa, 1978. PP. 43-46.

ний КРОМ с правительством и вытеснением из власти представителей данного профцентра. Создание УПКМ являлось и частью плана по реализации более масштабного плана Коминтерна: совершенно неслучайно в документах нового профобъединения фигурировал пункт об открытой борьбе против тех правительств, которые «эксплуатируют и угнетают трудящихся Латинской Америки».¹⁸ Начиная «левый поворот», Коминтерн и руководство его мексиканской секции практически не сомневались в успехе, поскольку были абсолютно уверены, что партия «несомненно» руководит левым рабочим, антиимпериалистическим и крестьянским движением страны.¹⁹

Эти события совпали по времени с серьезной персональной потерей для ВААИЛ и ее мексиканского отделения. 10 января 1929 г. один из виднейших лидеров КПМ и ВААИЛ, кубинец Хулио Антонио Мелья был застрелен в Мехико. Авторство убийства, немедленно приписанного левыми кубинскому диктатору Х. Мачадо (версия об его причастности к преступлению основана прежде всего на словах умирающего Мельи несколько минут спустя после покушения и заявлениях полиции Р. Теурбе Толона, А. Баррейро, С. Хунко и Д. Риверы)²⁰, вызвало волну протестов по всей Латинской Америке. Синхронно с этим предположением возникли версии об убийстве Мельи мексиканскими коммунистами из-за сложившихся у него политических разногласий с КПМ. Небезынтересно отметить, что хотя КПМ и направила протест по поводу убийства Мельи вместе со многими антиимпериалистическими, профсоюзными организациями и мексиканским отделением МОПРа, но в первых мероприятиях памяти кубино-мексиканского революционера партия официально не присутствовала, в то время как МОПР, ВААИЛ, Ассоциация новых революционных кубинских эмигрантов, а также представлявшие Венесуэлу К. Леон, Кубу А. Баррейро, Никарагуа С. Сандино, Боливию Т. Мароф, Аргентину Х. Пас, Испанию Э. Лумен неоднократно выступили с осуждением пре-

¹⁸ Hoover Institution Archives. Rodolfo Echeverría Collection, Box 15, Folder 15.7.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 100, л. 56.

²⁰ AGN. Ramo E. Portes Gil. exp. 1/630/811; El Financiero, 20.2.1995.

ступления. Принимавшие же участие в вечерах памяти Мельи и митингах члены КПМ фигурировали как представители иных организаций.²¹ Уже в 1990-е гг. появились предположения о том, что приказ устранить Мелью мог прийти и из Москвы, где он пользовался репутацией неудобного критика политики Коминтерна в Латинской Америке и троцкиста.²²

Мелья выступал противником перехода УПКМ под полный контроль КПМ, настаивая на тактике более широкого альянса, что стоило ему исключения из состава ЦК партии.²³ С каждым днем Мелья оказывался все в большей политической изоляции. По словам члена КПМ Р. Блэкуэлла, ставшего в это время троцкистом, Мелья был исключен из партии в самом конце 1928 г. Тем не менее, неделю спустя, в январе 1929 г., Мелья «признал свои ошибки» и попросил о пересмотре своего дела. ЦК принял резолюцию об его повторном приеме в партию при условии назначения кубинца в руководство в течение трех лет.²⁴ В письме руководителя КПМ Р.Каррильо утверждается, что делегаты КПМ, возвращаясь с VI конгресса Коминтерна, побеседовали на Кубе с руководителями КПК. Те настаивали, чтобы «кубинская группа в Мексике подчинилась ЦК КПМ и не писала бы и не действовала бы на свой страх и риск». Мелья якобы «яростно обрушился на ЦК КПК и на нас, в оскорбительной форме заявив нам о своей отставке». Возмущенный Каррильо уже был готов опубликовать от имени партии резолюцию с осуждением кубинца, однако, в последний момент Мелья направил новое письмо ЦК КПМ, обещая продолжать работать в партии. В конце концов, заключил Каррильо, дело должно было быть решено в течение недели, ибо у Мельи «всегда были троцкистские «слабости».²⁵ Это письмо и послужило американ-

²¹ SRI. En memoria de Julio A. Mella. – CEMOS, Colección PCM. Caja 4. Folio 17b; Albertani, 2006; Cacucci P., 2001.

²² Saborit, 1993. p. 62.

²³ Mella, 1984. p.125-138.

²⁴ Blackwell, 1931.

²⁵ R. Carrillo a los Lobos, 4.XII.1929. – Hoover Institution on War, Revolution and Peace. B.D.Wolfe Papers. Box 4. Folder 11.

скому журналисту С.Шварцу основанием рассматривать слова Каррильо как смертный приговор Мелье.

На сегодняшний момент ученые в целом сходятся в неопровержимости того, что убийство Мельи было все же срежиссировано из Гаваны. По сути, произошло уникальное стечение обстоятельств: кубино-мексиканский коммунист находился накануне исключения из КПМ, и в этом случае неизбежно на политическом горизонте возник бы «мельизм», что привело бы к разрыву между компартией и антиимпериалистическими настроенными кругами – как это и произошло в 1926 г. на Кубе в аналогичной ситуации²⁶. Ситуация сложилась для КПМ неожиданно выгодным образом. Убийство Мельи автоматически сделало его символом самоотверженной борьбы коммунистов. Каковы бы ни были планы его товарищей в Мексике и московских руководителей, месть, осуществленная по приказу «тропического Муссолини» Мачадо, спутала все карты и обернулась во благо КПМ.

Эволюция мексиканской АИЛ в 1929-1930-е гг.

Эффект солидарности, испытанный КПМ и мексиканской секции АИЛ после трагической смерти Мельи был фактически нивелирован «левым поворотом». В мае 1929 г. происходит разрыв КПМ и НКЛ, недовольной радикализацией антиправительственной линии партии. Пленум ЦК КПМ в июле 1929 г. при непосредственном участии инструктора Коминтерна «Освальда» (Михаила Грольмана), утвердил исключение из партии вождей НКЛ. Это резко сузило присутствие компартии в штатах страны и, как позднее признал Р.Каррильо, «Гальван ушел со всем крестьянским движением, а мы остались на улице».²⁷

Состоявшийся в середине 1929 г. X пленум ИККИ направил острие борьбы компартий против «правой» опасности. При этом, по сути, предполагалось именно максимальное обособле-

²⁶ Хейфец Л., Хейфец В.Л., 2019. С.250-255.

²⁷ Melgar, 1996. P.57.

ние компартий от прежних союзников, вне зависимости от того, являлись те "правыми" или нет.

Огромную роль играли не только коминтерновские директивы, но и развернутая против КПМ кампания репрессий. После убийства весной 1929 г. крестьянских лидеров Х. Гуадалупе Родригеса и С. Гомеса подверглись преследованиям другие активисты.²⁸ В мае 1929 г. был арестован Каррильо, а в декабре 1929-феврале 1930 гг. подверглись депортации иностранцы-активисты партии. 27 мая был лишен мандата единственный депутат коммунистов в Палате депутатов Э. Лаборде. Власти уничтожили типографию партийной газеты «Эль Мачете».

В этой обстановке пленум раскритиковал «оппортунистическую пассивность» большинства ЦК КПМ. В сентябре из партии были изгнаны за якобы «правый оппортунизм» Д. Ривера, Монсон, Э. Флорес Магон, Р. Рейес Перес, Л. Варгас Реа и Ф. Бах. Никто из них не поддерживал НКЛ, но ультралевый курс, взятый партией, требовал избавиться от всех связей с правительственными и околоправительственными структурами, на что исключенные не были готовы пойти.

Все эти меры привели к разочарованию левых националистических интеллектуалов в КПМ и к разрыву альянса компартии с левым крылом пост-революционной элиты. Так, мексиканский посол в Москве Хесус Сильва Эрсог, являвшийся советником НКЛ, тесно сотрудничавший со многими лидерами КПМ и сотрудниками Коминтерна, не стал скрывать своего разочарования в отчетах в МИД: «Советский Союз, управляемый Коммунистической партией, превратил диктатуру пролетариата в диктатуру Центрального Комитета, более того, в диктатуру самого Сталина. Кое-что сделано для блага русского народа, но разговоров больше, чем реальных дел. Пропагандистские книги, которые мы читали в Мексике ... на сто процентов преувеличивают.»²⁹

²⁸ El Machete. 01.05.1929.

²⁹ Informe político confidencial de J. Silva Herzog a la SRE, Moscú, 4.VII.1929. – AHSRE, exp. 14-25-2, s.f.; Informe de J.Silva Herzog al Subsecretario de Relaciones Exteriores, Moscú, 3.XII.1929. – AHSRE, exp. 39-8-14, s.f.

Отождествление левой социал-демократии с фашизмом, осуществленное Коминтерном, хотя и было глубоко ошибочным шагом, но, тем не менее, отражало реальный конфликт внутри европейского рабочего движения. В Мексике же КПМ была вынуждена объявить фашистами и заклятыми врагами левого движения и компартий своих самых тесных союзников на протяжении большинства 1920-х гг. Решения июльского пленума ЦК КПМ квалифицировали А.Техеду, Р.П. де Негри и иных некоммунистических революционеров как самых опасных врагов рабочих и крестьян.³⁰

Резкая перемена партийной линии, зафиксированная в резолюциях июльского пленума ЦК КПМ, нанесла тяжелейший удар по левому движению в момент, когда оно достигло определенных высот в своем развитии. Правительственные репрессии, дополняемые внутрипартийными чистками от так называемых «правых», привели к потере коммунистами множества политических лидеров, к фактическому разрыву связей с массами, установленных на протяжении предшествующих лет.

ВААИЛ и ее мексиканская секция фактически были вынуждены свернуть свою деятельность из-за отсутствия кадров для продолжения работы. Из ораторов антивоенного и антиимпериалистического митинга 1 августа 1929 г. (то есть как раз в момент «левого поворота» КПМ)³¹ уже через несколько недель в рядах активистов КПМ осталось меньше половины: Р. Каррильо перестал быть генеральным секретарем партии, а вскоре на несколько лет переехал работать на Кубу и в США³², фактически отойдя от внутримексиканской повестки дня левого движения, представлявший ВААИЛ Д. Ривера оказался в рядах троцкистской оппозиции³³, как и выпускник МЛШ С. Хунко (представлявший Латиноамериканскую профсоюзную конфедерацию), на некоторое время был исключен из КПМ Д.А. Сикейрос (представлявший на митинге УПКМ). Причем все чет-

³⁰ El PCM. P. 3.

³¹ Bandera Roja. 15.09.1929.

³² Jeifets V., Jeifets L., 2015. PP. 700-720.

³³ Martínez Verdugo, 1986.

веро, несмотря на серьезные различия в их взглядах, являлись теми фигурами, кто был способен устанавливать определенные связи с партнерами коммунистов и привлекать к себе людей. Ни Эрнан Лаборде, ни Валентин Кампа (новые руководители КПМ) в конце 1920-х гг. не сумели стать равнозначной им заменой.

А разрыв с лидером никарагуанского освободительного движения Аугусто Сесаром Сандино³⁴ лишь довершил крах ВААИЛ. Еще в ноябре 1929 г. ЦК КПМ заявил о необходимости перевода Континентального Комитета организации в Нью-Йорк, предельно четко объяснив: с отъездом и депортацией ряда эмигрантов – активистов Лиги (и добавим, выталкиванием из орбиты деятельности компартии многих других знаковых фигур мексиканской политики): «в Мексике в настоящее время нет достаточных товарищей для руководства этой работой».³⁵

При формальной правоте ЦК КПМ, справедливо указывавшего на возможность ликвидации аппарата ВААИЛ в ходе правительственных репрессий правительств периода «максимата», размещение штаб-квартиры континентального антиимпериалистического движения в США оказывалось полным пересмотром идеи «всеамериканской» лиги и ее превращение в «панамериканскую», что лишь усиливало ее становившуюся очевидной беспомощность в новых обстоятельствах. Нисколько неудивительным стало последовавшее вскоре прекращение выпуска журнала «Эль Либертадор» и сведение деятельности Лиги к работе в отдельных странах под руководством местных коммунистов.³⁶

В Мексике на январь 1930 г. осталось лишь шесть местных организаций АИЛ, работу которых координировал перуанский эмигрант Хакобо Гурвиц, однако вскоре КПМ перевела его руководить направлением работы, сочтенным более важным – деятельностью агитпропотдела ЦК партии; это лишь сузило и без того небольшой размах активности Лиги. После ареста Гурвица

³⁴ Bendaña, 2016.

³⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 1402, лл.149-150.

³⁶ Kersffeld, 2012, P. 180.

в июле 1930 г. его сменил Фаусто Помар, но АИЛ продолжала стремительно деградировать, что признали и сами коммунисты: по словам руководителя юридического отдела ЦК КПМ и мексиканской секции МОПР Гастона Лафарги, было даже «невозможно точно сказать, есть ли действующие первичные организации».

В начале 1930-х гг. деятельность Антиимпериалистической лиги приобрела спорадический характер и оживилась в мексиканской политике уже только после VII конгресса Коминтерна, в период правительства Ласаро Карденаса, но не как самостоятельное направление работы, а как часть партийной стратегии народного фронта.

Пленум ЦК КПМ 28-29 марта 1933 г. объявил одной из задач «фундаментальное улучшение» состояние организаций беспартийных масс, в череде которых Антиимпериалистическая Лига была лишь одной из многих, а самостоятельного значения ей уже не придавалось. Коммунисты намеревались посредством Лиги бороться, прежде всего, против угрозы мировой империалистической войны, в защиту китайского народа и против возможной войны в Южной Америке, объясняя, что в условиях «капиталистической стабилизации» Мексика будет втянута в войну не только империализмом янки, намеренным использовать ее «против орудий английского империализма в Южной Америке, но и буржуазно-помещичье правительство Родригеса-Кальеса ищет в войне средство для выхода из кризиса».

С целью «разоблачения» империалистических приготовлений активистам компартии и Лиги (к этому времени оба понятия были практически идентичны) вменялось в обязанность демонстрировать ведущиеся в стране «приготовления к войне» (строительство шоссе, реорганизацию армии, закупку военных кораблей и оборудования для производства амуниции), организовывать борьбу против «этого участия и самой войны» путем создания Комитетов Борьбы и Комитетов Бдительности против войны на предприятиях, особенно в военной промышленности, на шахтах, нефтепромыслах и на транспорте, срывать военные поставки, пропагандировать превращение империалистической

войны в гражданскую войну против буржуазии, помещиков и империализма.

АИЛ должна была также участвовать во всех выступлениях масс против «империалистических предприятий (особенно в случае забастовок)» и в борьбе против репрессий как «одного из аспектов удвоившейся эксплуатации масс империалистическим буржуазно-помещичьим режимом».³⁷

Перечень поставленных целей наглядно демонстрирует начавшуюся эволюцию принципов антиимпериалистической работы – вместо способа привлечения союзников она становилась средством для агитации и пропаганды. Естественно, это не было единоличной акцией мексиканских коммунистов, самостоятельно решивших трансформировать деятельность Лиги. Решения пленума ЦК компартии Мексики всего лишь следовали линии XII пленума ИККИ и международного антивоенного конгресса в Амстердаме. Принципы состоявшегося в Амстердаме антивоенного конгресса (август 1932 г.) были четко выражены в послании Р.Роллана: «Война войне! ... единственный народ – великий народ <...> построил и повседневно продолжает строить пролетарское государство. Это Советский Союз, самое существование которого является вызовом старому миру эксплуататоров, надеждой и примером для всех эксплуатируемых народов. И общий их долг – наш долг – охранять СССР от всех угроз, которые таит в себе сговор империалистов».³⁸ О необходимости антивоенной борьбы как основной задачи говорилось и в документах Парижского антивоенного конгресса (1933 г.).

Среди мероприятий, осуществляемых АИЛ Мексики в сотрудничестве с ЦК КПМ были, в частности, кампания протеста против попыток США вмешаться в события Августовской революции 1933 г. на Кубе. Отличия от антиимпериалистической агитации 1920-х гг. были вполне очевидны: заявляя о неизбежности «вооруженной интервенции янки» на Кубе, коммунисты

³⁷ Boletín Anti-Guerrero. Comisión Juvenil del Comité Nacional de Lucha Contra la Guerra. 10.XI.1933, №1 – CEMOS, Colección PCM. Caja 5, Folio 5.

³⁸ Соркин, 1986. с. 63.

четко давали понять – антиимпериализм для них являлся синонимом коммунистического или социалистического правительства, любые иные действия были ничем иным как «маневрами кубинских буржуазии и помещиков с целью отвлечь народную революцию от ее подлинных целей»; партии и группы, находившиеся в оппозиции Мачадо (в частности, АБЦ и Железнодорожное братство), являются не более чем «демагогами» и «профессиональными штрейкбрехерами» на службе у мачадизма и империалистического проникновения; лишь «революция трудящихся и антиимпериалистических масс во главе с пролетариатом и под руководством ее авангарда – Коммунистической партии – может освободить кубинский народ от эксплуатации и угнетения, нищеты и голода».³⁹ Откровенное позиционирование коммунистов как главной движущей силы антиимпериалистического движения являлось полным пересмотром тактики работы ВААИЛ на протяжении ряда лет, основывавшейся на привлечении союзников и партнеров на паритетных правах.

Показательной оказалась и произошедшая на рубеже 1920-1930-х гг. смена названия лиги – Лига против империализма, войны и фашизма. Акценты в ее деятельности под воздействием европейских событий (прежде всего, прихода к власти в Германии во главе с А. Гитлером) явно сместились с собственно латиноамериканской проблематики противостояния распространению империализму США на проблемы борьбы с приближающейся мировой войной. Между тем, данные темы были гораздо менее интересны как мексиканскому рабочему движению, так и национальной элите, соответственно, Лига переставала быть инструментом привлечения новых союзников к КПМ и расширения ее влияния в левом движении. Фактически Лига оставалась лишь символом наличия у коммунистов разных сфер партработы. Данное изменение вполне укладывалось в рамки коминтерновской тактики, рассматривавшей народы «колоний

³⁹ Boletín de la Comisión Juvenil del Comité Nacional de Lucha contra la Guerra y el Fachismo y de preparación del Congreso Nacional Juvenil. México, D.F. 15.XII.1933, P.2. – CEMOS. Colección PCM. Caja 5, Folio 7.

и полуколоний» как «резерв мирового пролетариата», что предполагало их только вспомогательную роль в мировом революционном движении, в общей линии борьбы против фашизма и войны.

Широкий антиимпериалистический фронт оказывался еще менее возможным, поскольку одним из объектов борьбы Лиги являлось само мексиканское правительство, что исключало участие в работе Лиги многих известных революционных интеллектуалов, не желавших рвать отношения с властями.

Весьма показательна повестка дня состоявшегося в январе 1934 г. в Мехико Национального Молодежного конгресса против войны и фашизма, в организации которого принимали участие активисты ФКММ и Лиги. Несмотря на формальное присутствие делегатов разной идеологической ориентации (коммунистов, социалистов, синдикалистов и пацифистов) большинство из 70 делегатов Конгресса представляли малозначимые в общенациональном плане, либо локальные организации. На форум прислали своих делегатов: Национальная Конфедерация матерей, Постоянная комиссия II конгресса работниц и крестьянок, Национальная конфедерация организаций преподавателей, УПКМ, РКБ, МОПР, Национальный Крестьянский комитет, Комитет «Руки прочь от Кубы», АИЛ Мексики, Антифашистский комитет Мексики, Рабочая федерация Тамаулипаса, секция 17 профсоюза железнодорожников, Союз рабочих коммерческих графических искусств, Общество студентов факультета права, Федерация революционных студентов, профсоюз рабочих и служащих мексиканской нефтяной компании «Эль Агила», профсоюз рабочих и служащих электрической компании Тампико, Союз портовых моряков, профсоюз мельничных работников Тампико и Сьюдад-Мадеро, секция 19 профсоюза железнодорожников Монтеррея (входившая в Унитарную Палату Труда Монтеррея, штат Нуэво Ларедо), профсоюз торговых работников Валье Маркес, профсоюз сельских и лесных рабочих Руарана (штат Мичоакан), союз пеонов кофейных плантаций Соконуско (штат Чиapas), аграрные комитеты Акайукана (штат Веракрус), Сан-Лоренсо, Амекатлы, Сан-Торибио, Шикотсинго, Агуэскомак (штат Пуэбла), Советы безработных

Пуэблы, местные антивоенные комитеты Торреона, Монтеррея, Морелии, Тампико и Гвадалахары, Левое студенческое крыло Кубы, КПМ, Молодежная Коммунистическая Федерация, профсоюз сапожников ФО, профсоюз портных ФО, Антивоенный комитет «Б» ФО, Революционная профсоюзная оппозиция трамвайщиков, железнодорожников и водителей грузовиков, Синдикалистский союз преподавателей ФО., Аграрный Комитет Сабинаса (штат Идальго), Общество друзей СССР Тампико.⁴⁰

Первым пунктом повестки дня конгресса значились общие вопросы империалистической войны, фашизма и военных приготовлений мексиканского правительства, вторым – война на Дальнем Востоке и антисоветские действия Японии в Китае и Маньчжурии, а также деятельность китайских Советов, и только третьим пунктом значилась «империалистическая война в Южной Америке и Карибском бассейне и борьба за национальное освобождение». При этом вопрос о действиях американского правительства на Кубе, достаточно серьезно интересовавший мексиканскую общественность, оказался лишь последним подпунктом.⁴¹ Такое расположение обсуждавшихся тем, равно как фантастическая формулировка о «военных приготовлениях» правительства Мексики лишь демонстрировали лишний раз, что Лига и связанные с ней организации перестали быть даже подобием антиимпериалистического фронта, оказавшись фактически даже орудием реализации не лозунгов и целей Коминтерна, а целей внешней политики СССР.

Столь же безосновательными были утверждения коммунистов о том, что действия мексиканских властей, разогнавших митинг солидарности с кубинским народом 16 августа 1933 г., были вызваны «приказом посла [США в Мексике] Дэниэлса» с целью «подорвать движение трудящихся, студенческих и антиимпериалистических масс Мексики в поддержку кубинской

⁴⁰ Boletín del Comité Nacional contra la Guerra y el Fachismo. 1934. №5. – CEMOS, Coleccion PCM, Caja 5, folio 8.

⁴¹ Boletín de Comité Nacional Anti-Guerrero y de la Comisión Juvenil. 1.01.1933. №4. – CEMOS, Coleccion PCM, caja 5, folio 1.

народной революции».⁴² Мероприятия вроде митинга в годовщину убийства Х.А.Мельи и акции протеста против преследований оппозиционных революционных сил на Кубе и в Испании⁴³ не могли серьезно изменить данную ситуацию. У АИЛ также совершенно не хватало харизматичных лидеров, вокруг которых можно было бы попытаться выстроить «человеческую цепочку, осуществившую бы работу».⁴⁴ Сектантская линия компартии без изменений переключалась и в деятельность Революционной Антиклерикальной лиги, политическая работа которой строилась на «разрыве с проправительственными элементами», посредством которых «Мексиканская Революция сохраняла связи с правительством и, что еще хуже, с [Адалберто] Техедой». Организация стремительно теряла вес, ее штаб-квартиру перестали посещать активисты, и Лига с немалым трудом осуществляла ограниченное число мероприятий. Такая же организация как «Общество друзей СССР», возглавляемая Г.Апарисио, так и не сумела провести задуманную реорганизацию и привлечь к своей работе сколь-нибудь значимое число кадров.

Тем не менее, коммунисты продолжали упорствовать в проведении линии на развертывание антиимпериалистической работы прежде всего как борьбы против «фашизма и мировой империалистической войны». В этом плане была выдержана подготовка к общенациональному конгрессу против войны и фашизма (август 1934 г.),⁴⁵ к участию в котором КПМ удалось привлечь лишь отдельные местные организации (например, профсоюз учителей Халапы (входящий во Всеобщую конфеде-

⁴² CC del PCM. «¡Abajo la Intervencion Armada Yanqui en Cuba!». – CEMOS, Coleccion PCM, Caja 5, folio 2b.

⁴³ Circular N.18 de la Liga contra el imperialismo, la guerra y el fachismo a todas las organizaciones manuales e intelectuales del país, México, D.F., junio de 1935. – CEMOS, Coleccion PCM, caja 7, folio 10.

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д.163, л. 1.

⁴⁵ Circular N.6 del Comité Nacional contra el fachismo y la Guerra antimperialista a las organizaciones de trabajadores pequeños comerciantes, campesinos, estudiantes e intelectuales del D.F. (18.VIII.1934) – CEMOS, Coleccion PCM, Caja 6, folio 9.

рацию рабочих и крестьян), секцию 19 Профсоюза железнодорожных рабочих Монтеррея), подавляющее же большинство общенациональных структур не откликнулись на призыв прислать делегатов на конгресс; единственным исключением оказалась Национальная Конфедерация студентов. Созданные КПМ Комитеты борьбы против войны существовали, по сути, лишь на бумаге.

Ситуация начала меняться лишь одновременно с трансформацией партийного курса в отношении правительства Л. Карденаса (1934-1940 гг.). Стремление максимально расширить сотрудничество с национально-революционным кабинетом влекло за собой и подвижки в деятельности Антиимпериалистической Лиги.

Основываясь на резолюциях III конференции Коммунистических партий Южной и Карибской Америки (конец 1934 г.),⁴⁶ КПМ решила вернуться от критики «национальных буржуазных и латифундистских орудий империализма» к борьбе против собственно империализма как тактики для завоевания симпатий широких масс непролетарского населения (крестьян, ремесленников, служащих, мелких торговцев и т.п.), равно как и тех рабочих, кто поддерживает действующие «буржуазно-помещичьи» партии. Именно для этого коммунистам требовалось продемонстрировать, что они борются против проникающего в страну империализма, реализуя тем самым защиту вышеназванных слоев населения.⁴⁷

В том же духе были выдержаны и новые установки, даваемые Москвой левому движению в странах Латинской Америки: межимпериалистические столкновения и подавление национально-освободительного движения стали основой для формирования «единого антиимпериалистического фронта» - своеобразного римейка «антифашистского фронта» в Европе.⁴⁸

Важным изменением стало признание того факта, что «фашизация буржуазно-помещичьих правительств» и «военные

⁴⁶ Schelchkov, 2018. PP. 1-22.

⁴⁷ De la III Conferencia Comunista, 1935. P.4.

⁴⁸ Van Min, 1984. P.250.

приготовления» (на которых настаивал Коминтерн) происходила под давлением империализма («а не национального финансового капитала, поскольку такого у нас просто нет»), соответственно никакой борьбы с войной в Мексике и других странах, относимых III Интернационалом к разряду полуколониальных, не может быть, если она не будет «неразрывно увязана с борьбой против империализма».⁴⁹ А это неизбежно влекло за собой расширение повестки дня антиимпериалистического движения и включение в нее таких пунктов как аннулирование внешнего долга, отказ от выплаты ущерба, причиненного во время революции 1910-1917 гг., возвращение крестьянам (в том числе индейцам) и мелким и средним собственникам земель, отобранных у них иностранными компаниями, четкое выполнение конституционных статей, ограничивающих эксплуататорскую деятельность таких компаний, запрет на использование военно-морских баз, шоссе и аэродромов представителями империалистических государств, пересмотр статей бюджета и перераспределение средств из военных статей на развитие народного просвещения и т.п.

Впервые коммунисты соглашались поддерживать даже те выступления потенциально антиимпериалистического характера (в частности, акции протеста против высоких тарифов иностранных электрокомпаний), которые не являлись частью общенационального кампании и не могли в обозримой перспективе влиться в нее, став ее органичной частью. Фактически делалась заявка на создание в стране как можно более широкого антиимпериалистического движения, организованного как централизованно, так и дисперсно, на базе любых требований, укладываемых в общую программу борьбы с империализмом (хотя приоритет все-таки отдавался выступлениям рабочих против иностранных предприятий, что не должно вызывать удивления, учитывая, что речь шла о движении, инициированном компартией). Анти-империализм вновь оказывался способом мобилизации максимального числа сторонников и партнеров для реализации теперь уже не столько «социалистической»,

⁴⁹ Van Min, 1984. P.15.

сколько «аграрно-антиимпериалистической» революции в Мексике.

Хотя вопрос об едином фронте с правящей НРП даже не обсуждался ввиду ее «несомненной» роли «орудия империализма янки, партии, которая осуществляет фашизацию страны», допускалось проведение совместных акций со сторонниками данной партии в отдельных случаях. В частности, речь шла о крестьянских айюнтамьенто на юге Веракруса и штате Оахака, где составленные из членов НРП муниципальные власти конфликтовали с собственной партией по причине поддержки ею латифундистов.⁵⁰ Фактически в данном случае делалась попытка возрождения коммунистическо-аграрного альянса 1920-х гг. под лозунгом совместной антиимпериалистической борьбы.

Новой чертой в политике КПМ являлось, несомненно, и различие, которое партия – в отличие от президентских выборов 1934 г. – теперь уже видела между НРП и оппозиционными техедистами. Если в первом случае речь шла о совместных акциях с теми подкомитетами правящей партии и ее низовыми организациями (профсоюзами, аграрными комитетами, крестьянскими лигами, ассоциациями мелких торговцев), которые недостаточно жестко контролировались членами ее центрального руководства и только о действиях по «борьбе за землю, против налогов, против убийств крестьян и т.п.» с обязательным выступлением против среднего и высшего эшелона руководства НРП, то в случае с Социалистической Лево́й партией КПМ готова была предложить «единый фронт в борьбе против фашизма, империализма и войны» и даже совместное участие в выборах (последнее распространялось преимущественно на крестьянские группы поддержки техедистов). В отношении лабористов КПМ была, скорее, настроена на сотрудничество с аффилированными с нею местными партиями, нежели чем на общий альянс, но и тут допускалось совместное участие в выборах под лозунгами борьбы против империализма и фашизма, а также для выдвижения экономических требований.

⁵⁰ Reynoso Jaime, 2019.

В то же время речь не шла об электоральном объединении любых оппозиционных партий, в частности с антиреэлекционистами, хотя коммунисты хотели привлечь к сотрудничеству студенчество, активно поддерживавшее эту партию, в которой одно время играл важную роль бывший министр просвещения Хосе Васконселос. КПМ ревностно относилась даже к намекам на возможность оказаться «охвостом противостоящих нам партий». Организационная и политическая самостоятельность КПМ внутри политической системы страны коммунистами по-прежнему не подвергалась ни малейшему сомнению, но начало поворота в системе взаимоотношений с остальными политическими силами стало очевидным.

Летом 1935 г. близкий к КПМ Мексиканский профсоюз электриков предоставил свое помещение для проведения встречи представителей организаций и частных лиц, обеспокоенных «империалистическим проникновением и маневрами национальных предателей с целью вручить страну на милость иностранным предприятиям». Итогом дискуссии стало решение о создании Народного Антиимпериалистического фронта как организации, объединяющей все группы населения с самыми разными взглядами для совместной борьбы за национальную независимость Мексики.⁵¹ Коммунисты, наконец, пришли к выводу о невозможности для «одной партии или одного социального слоя обрести необходимую силу для организации этой борьбы и успешного руководства ею».

И хотя среди участников встречи присутствовали преимущественно организации, близкие к КПМ (УПКМ, КПЗ, МПЭ, Единый Национальный фронт работников просвещения, Национальная Крестьянская Лига «Урсуло Гальван», Революционный Авангардистский Союз), нельзя не заметить присутствие и делегатов одного из местных комитетов правящей НРП (хотя и только в статусе наблюдателей), а также Комитета Встречи Грау Сан-Мартина (объединявшего независимых интеллектуалов).

⁵¹ Circular urgente del C. Organizador del Frente Popular Antimperialista a todas las Organizaciones del País y a todas las personas partidarias de la liberación nacional y la Libertad, México, 3.IX.1935. – CEMOS, Colección PCM. Caja 7, folio 13.

лов Мексики) и НК Крестьянского объединения. Состав же Оргкомитета уже демонстрировал изменения в подходе к развертыванию антиимпериалистической работы: в него вошли не только коммунист В. Кампа и представители близких к КПМ профсоюзных организаций Г. Пена (МПЭ), Б. Барроса Пениче (ЕНФРП), но и член техедистской Социалистической Лево́й партии лицензиат Э. Мендес, А. Кортес из Национального Комитета Крестьянского объединения. В Оргкомитете также присутствовали независимый интеллектуал Э. Гонсалес Априсио, лицензиат Х. В. Торрес (Революционный Авангардистский Союз), А. Мендес, С. Гарсия (Федерация технических школ).

Платформа деятельности новой антиимпериалистической организации затрагивала многие из тем, ранее утвержденных III конференцией КПМ в качестве основы для подобной работы. Многие из данных вопросов являлись действительно важными для Мексики и могли стать основой для сотрудничества как разных сил, противостоящих империалистическому проникновению, так и левого движения в целом с правительством Карденаса: борьба против любого империалистического влияния и угнетения; конфискация иностранных предприятий, отказывающихся подчиняться мексиканским законам; конфискация империалистических латифундий и распределение земли среди крестьян; конфискация без компенсации собственности «национальных предателей», прежде всего кальистов; подавление монополий, в большинстве своем принадлежащих иностранцам или «национальным предателям» (производство бензина и сахара, в частности); аннулирование внешнего долга, включая долг Национальных Железных Дорог, и облигаций Аграрного долга, переданных иностранным финансистам; чистка армии и чиновничьего аппарата от всех лиц «фашистских тенденций и открыто служащих иностранным интересам»; роспуск и разоружение всех групп фашистского характера; борьба против высоких тарифов на электричество, телефон и всех услуг, предоставляемых империалистическими предприятиями; полное уважение демократических свобод.

Правительство Карденаса, активизировавшее борьбу за национализацию нефтяных промыслов и иных природных ре-

сурсов, а также вынужденное подавлять сопротивление проклятыски настроенной части элиты, могло вполне благожелательно относиться к такому набору целей новой организации. Демонстрация же «против империализма и национальных предателей» 15 сентября 1935 г. (день независимости Мексики), которую призвал организовать Оргкомитет, могла стать дополнительным аргументом, показывающим поддержку правительственных инициатив в деле национализации. Декрет о национализации нефтяных ресурсов страны был обнародован Карденасом 18 марта 1938 г., но еще в 1936 г. была подготовлена юридическая база для него в виде закона об экспроприации, предусматривавшего право правительства экспроприировать частную собственность «для блага народа и общества». ⁵²

Равным образом и организация кампании солидарности с революционным движением Бразилии ⁵³ не выглядела исключительно как акция КПМ (несмотря на членство лидера бразильского НОА Л.К. Престеса в компартии), учитывая, что акцент был сделан, прежде всего, не на коммунистических целях Альянса, а на его борьбе с английским и американским империализмом, а также, принимая во внимание тот факт, что и президент Мексики Л. Карденас относился с определенными симпатиями к движению Престеса, не разделяя, впрочем, его методов и сближения с компартией.

В январе 1936 г. лозунг «широкого антиимпериалистического фронта» был зафиксирован даже в названии новой организации, в которой коммунисты являлись лишь одним из компонентов. Устав организации предполагал создание ее групп (отделений), именуемых «Группами антиимпериалистического действия», в кварталах, пуэбло и на предприятиях; в последнем случае главной задачей групп было инициировать антиимпериалистическую работу в организациях, существующих на предприятиях. Работа фронта рассматривалась его организаторами не как формальная имитация деятельности в виде расклеивания

⁵² Shulgovski, 1993. P. 375-376.

⁵³ Llamamiento del FPA a todas las organizaciones obreras [1936]. CEMOS, Colección PCM. Caja 8, Folio 11.

листовок, а должна была быть нацелена на массовую пропаганду антиимпериалистических идей в ходе митингов и встреч, проводимых по всей стране.⁵⁴

Целью Народного антиимпериалистического фронта являлось достижение «действенного и полного экономического и политического освобождения страны в борьбе против захвата иностранными капиталистами наших природных богатств и против реакционных групп, которые предают наши национальные интересы».⁵⁵

В руководство НАФ входили: лицензиат Э. Мендес (генеральный секретарь), С. Очоа Рентерия (секретарь по организации), И. Диас Гонсалес (секретарь по агитации, прессе и пропаганде), профессор Б. Эроса П. (технический секретарь), лицензиат Э. Флорес Магон (секретарь по народному действию), генеральный секретарь КПМ Э. Лаборде (секретарь по рабочему действию), А. Кортес (секретарь по крестьянскому действию), С. Ороско Авила (секретарь по женскому действию), профессор В. Кораль (финансовый секретарь), М. Лерин (секретарь по молодежному действию), лицензиат А. Каррильо, лицензиат В.М. Вильясенбор, профессор Р. Рамос Педруэса, депутат М. Альтамирано и сенатор Э. Сото Рейес (последние пятеро входили в комиссию НАФ по экономическим и историческим исследованиям).

Принципиально важным моментом представляется не только возвращение к лозунгу «Против иностранного угнетения и за свободу», но и тот факт, что фронт изначально должен был включить в себя «все Народные Партии и все группы мексиканского народа», а также то, что коммунисты – в отличие от 1920-х гг. – не были единственной и главной движущей силой НАФ. Эпоха ВААИЛ и ее мексиканской секцией завершилась безвозвратно.

⁵⁴ Circular del Comité Organizador del Frente Popular Antimperialista a todas las organizaciones, México, D.F., 17 de enero de 1936. – CEMOS, Coleccion PCM, Caja 8, folio 1.

⁵⁵ Proyecto de bases del Frente Popular Antimperialista. – CEMOS, Coleccion PCM, Caja 8, folio 3.

БИБЛИОГРАФИЯ//REFERENCES

- Андреев А. С.* Читая "Открытое письмо": компартия Уругвая и Коминтерн в 1928-1931 гг. // Клио. 2015. № 4(100). С. 44-49.
Andreev A.S. Chitaya "Otrkytoe pismo": kompartiya Urugvaya i Komintern v 1928-1931 gg. // Klio. 2015. №4(100) [Reading "The Open Letter": the CP of Uruguay and the Comintern, 1928-1931].
- Ватлин А.Ю.* Коминтерн: первые десять лет. М., 1993. Vatlin A.Yu. Komintern: pervye desiat' let. M., 1993 [The First ten years of the Comintern].
- Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932. М., 1933. Kommunisticheskii Internatsional v dokumentakh. Resheniia, teziy i vozzvaniia kongressov Kominterna i plenumov IKKI. 1919-1932. Moscow, 1933 [The Comintern in the documents. The decisions, theses and appeals of the Congresses of the Comintern and Plenums of the ECCI, 1919-1932].
- Калмыков Н.П.* Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке // История Коммунистического Интернационала. 1919-1943. М., 2002. Kalmykov N.P. Komintern i kommunisticheskoe dvizhenie v Latinskoi Amerike // Istoriia Kommunisticheskogo Internatsionala. 1919-1943. Moscow, 2002 [The Comintern and Latin American Communist Movement // The History of the Communist International, 1919-1943].
- Соркин Г.З.* Коминтерн против милитаризма и войны. М., 1986. Sorkin G.Z. Komintern protiv militarizma i voiny. Moscow, 1986 [The Comintern Against the Militarism and War].
- Стенографический отчет конгресса Коминтерна. Вып. 4. Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. М.-Л., 1929. Stenographicheskii otchet kongressa Kominterna. Вып. 4. Revolutsionnoie dvizheniie v kolonialnykh i polukolonialnykh stranakh. Moscow-Leningrad, 1929 [Stenographical Report of the Congress of the Komintern. Vol. 4. The Revolutionary Movement in Colonial and Semi-Colonial Countries].
- Фирсов Ф.И.* Сталин и Коммунистический Интернационал // История и сталинизм. М., 1991. Firsov F.I. Stalin i Kommunisticheskii

- Internatsional // Istoriia i stalinizm. Moscow, 1991 [Stalin and the Communist International // History and Stalinism].
- Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка. Люди, структуры, решения. М.: Политическая энциклопедия, 2019. Jeifets L.S., Jeifets V.L. Komintern i Latinskaia Amerika. Liudi, struktury, resheniya. Moscow, 2019 [The Comintern and Latin America. Persons, structures, and decisions].
- Albertani C. Vittorio Vidali, Tina Modotti, el estalinismo y la revolución // *Memoria*. 2006. N. 205.
- Bendaña A. Sandino : patria y libertad. Managua: Anamá Ed., 2016.
- Blackwell R. Julio Antonio Mella // *The Militant*. 15.08.1931.
- Cacucci P. Tina Modotti. Barcelona, 2001.
- Campa V. Mi testimonio. Memorias de un comunista mexicano. México, 1978.
- De la III Conferencia Comunista Latino-Americana al VII Congreso de la Internacional Comunista. México, s.e., 1935.
- Dulles J.W.F. Ayer en México. Una crónica de la Revolución (1919-1936). México, 1977.
- El movimiento revolucionario latinoamericano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires, 1929.
- El PCM en la senda de la bolchevización. México, s/f.
- Jeifets V., Jeifets L. América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario Biográfico. Santiago, Ariadna Ediciones, 2015.
- Kersfeld D. Contra el Imperio. Historia de la Liga Antimperialista de las Américas. México, Siglo XXI, 2012.
- Martínez Verdugo A. (ed.). Historia del comunismo en México. México: Grijalbo, 1986.
- Medin T. El minimato presidencial: historia política del maximato, 1928-1935. México, 1985.
- Melgar Bao R. Memoria roja de los años veinte. El testimonio de Rafael Carrillo // *Memoria*. 1996. Num. 92. P.52-62.
- Mella J.A. Proyecto de tesis sobre la unidad sindical latinoamericana // *Memoria*. 1984. N.6, p.125-138.
- Reynoso Jaime I. Machetes Rojos. El Partido Comunista de México y el agrarismo radical, 1919-1929. Morelos, UAEM, 2019.

Saborit A. Política y escándalo. Tina Modotti y el crimen de la calle Abraham González // *Historias*, 1993, num. 30, p. 62.

Sexto Congreso de la Internacional Comunista. México, 1977.

Schelchkov A. The Difficult Change to the Popular Front: the III Conference of the Latin American Communist Parties in Moscow, October, 1934 // *Izquierdas*. 2018. N.43, PP. 1-22.

Shulgovski A. México en la Encrucijada de su historia. México, Quinto Sol, 1993.

Van Min. El movimiento revolucionario en los países coloniales y semicoloniales y la táctica de los partidos comunistas. // Fascismo, democracia y frente popular. VII Congreso de la Internacional Comunista. México, 1984.